На правах рукописи

Морковина Ольга Викторовна

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗАВЕЩАНИЯ

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2005

Работа выполнена в секторе литературоведения Института филологии СО РАН

Научный руководитель:

член-корреспондент РАН, профессор
Ромодановская Елена Константиновна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Демкова Наталья Сергеевна;

кандидат филологических наук
Климова Маргарита Николаевна

Ведущая организация:

Новосибирский государственный университет

Защита диссертации состоится 14 апреля 2005 г. в ____ч.____мин. на заседании диссертационного совета Д. 212.267.05 при Томском государственном университете по адресу: 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 11 марта 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
профессор Л.А. Захарова

Общая характеристика диссертации

Актуальность работы. Тема взаимоотношения древнерусской литературы и деловой письменности представляет обширную область филологических исследований. Она включает вопросы использования в произведениях литературы формы и стиля документа, привлечения документальных источников, «конвоя», влияния художественного стиля на деловые грамоты, становления индивидуального авторского стиля, формирования разновидностей эпистолярного жанра. Наряду с исследованиями, посвященными истории отдельных произведений, были опубликованы более общие работы В.П. Адриановой-Перетц, В.В. Данилова, А.А. Назаревского, М.Д. Каган-Тарковской, Н.Ф. Дробленковой, Н.В. Понырко, Е.К. Ромодановской, в которых дана характеристика некоторых закономерностей процесса взаимоотношения литературы и деловой письменности. Типичными явлениями древнерусской литературы исследователи называют привлечение документа в пародийных целях, а также использование его формы, стиля, содержания для создания иллюзии достоверности изложения. Роль документа в литературном процессе Древней Руси изучалась на материале челобитных, жалованных грамот, следственных дел, монастырских записей, дипломатических документов и других деловых жанров. Предметом данной диссертации является завещание (духовная грамота) – один из наиболее распространенных и наименее изученных жанров средневековья.

В литературоведении о жанре завещаний как целом специальных работ не было. Первоначальная его характеристика содержится в литературе, посвященной отдельным памятникам и частным вопросам. Краткое описание жанровых разновидностей дано в статьях Ф. Лилиенфельд, Н.В. Понырко, Н.С. Демковой.

Проведенные исследования духовных грамот свидетельствуют о том,

что документ древнерусского частного права, призванный защищать последнюю волю завещателя, очень тесно связан с литературой. Это проявляется во влиянии завещаний на различные литературные жанры, а также в развитии литературного направления жанра. Расширение функций духовных грамот нашло также отражение в большом количестве памятников, совмещающих деловое и литературное содержание. Изучение духовных грамот охватывает широкий спектр литературоведческих тем: влияние завещаний на развитие автобиографического повествования в древнерусской литературе, распространение их функций на другие жанры (публицистическое послание и покаянную исповедь), продолжение жанровой традиции в старообрядческих завещаниях XVIII в.

Проблема взаимоотношения делового завещания и литературного памятника в литературоведении рассматривалась в связи с пародийным использованием формы документа («Рукописание Магнуша») и привлечением завещания в качестве документального источника в произведениях агиографической литературы (житиях Лазаря Муромского, Антония Римлянина, Кирилла Белозерского, Трифона Вятского, Герасима Болдинского, автобиографической повести и житии Мартирия Зеленецкого).

Важность обращения к документам при изучении древнерусских завещаний, имеющих литературный характер, диктуется тем, что литературное направление жанра развивается не автономно, а в тесной связи с традицией деловой письменности. Отношения между этими двумя направлениями являются одним из важнейших аспектов в изучении проблемы жанровой традиции завещаний.

Расширение источниковедческой базы и осмысление материала с точки зрения эволюции жанра завещаний вносят существенные коррективы в уже известную характеристику жанра и его разновидностей, а также ряд уточнений и дополнений в отношении литературной истории отдельных произведений.

Целью исследования является изучение проблемы жанровой традиции

древнерусских завещаний в аспекте взаимоотношения литературы и деловой письменности. Для ее достижения были поставлены две основные задачи. Первая – описание деловой формы духовных грамот и определение ее роли в завещаниях, имеющих литературный характер. Вторая задача заключается в исследовании происхождения литературного содержания завещаний. Она предполагает два аспекта. Первый – описание содержания завещаний, исследование отношений между литературным содержанием и деловыми распоряжениями. Другой аспект – установление типологических и текстологических связей между завещаниями, имеющими литературный характер (в том числе различение и характеристика их редакций), анализ взаимоотношений жанра и вставной литературной формы завещания в памятниках других жанров.

Исследование проводилось на материале опубликованных памятников. Объектом изучения выступают 42 завещания литературного характера (в их числе самостоятельные памятники, грамоты, входящие в памятники других жанров, и устные заветы, изложенные в летописях и Степенной книге) и 170 документов, опубликованных в следующих сборниках: «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М.; Л., 1949); «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.» (М.; Л., 1950); «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» (М., 1952, т. 1; 1958, т. 2; 1964, т. 3); «Акты феодального землевладения и хозяйства» (М., 1956, ч. 2; Л., 1983, ч. 4); «Акты Холмогорской и Устюжской епархий» (СПб., 1908, ч. 2); «Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в.: Акты Соловецкого монастыря» (Л., 1988, ч. 1; 1990, ч. 2); «Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII вв.» (М., 1998); «Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века» (М., 1998, т. 2); «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (СПб., 1857, т. 1); «Сборник князя Хилкова» (СПб., 1879); «Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край» (М., 1984). . Наряду с

этим для работы были привлечены фрагменты литературных памятников других жанров, в которых содержится описание предсмертного прощания героя с семьей, князем или братией.

Методы. Предмет исследования требует системного междисциплинарного подхода. Анализ формы проводился на основе условно-документоведческого метода (термин С.М. Каштанова), при котором в качестве инструмента сравнительного исследования используется условный формуляр, разработанный западноевропейской дипломатикой. Для исследования содержания был привлечен историко-юридический принцип разделения текста на смысловые блоки, каждый из которых обладает смысловой целостностью, законченностью и имеет определенную функцию (бытовую, религиозную, юридическую и др.). При изучении литературной истории завещаний в диссертации использовались текстологические принципы и методы, изложенные Д.С. Лихачевым.

Научная новизна диссертации находит отражение в следующих результатах работы: 1) сделано описание формуляра и содержания духовных грамот; 2) составлена классификация древнерусских завещаний; 3) установлена типологическая связь и текстологическая взаимозависимость между завещаниями и литературными памятниками других жанров; 4) выявлено несколько путей формирования литературного направления жанра завещаний, с учетом внутрижанровых и междужанровых связей; 5) определена роль делового документа в литературной традиции жанра; 6) обнаружены новые формы взаимодействия деловой письменности и литературы.

Апробация. Основные материалы и выводы исследования изложены в докладах на научных конференциях молодых ученых в Институте филологии СО РАН (4 апреля 2000 г. и 25 апреля 2001 г.), Филологических чтениях в Новосибирском государственном педагогическом университете (30 ноября 2001 г.), Межвузовской научно-просветительской конференции, посвященной Дням славянской культуры и письменности (Новосибирск, 17

мая 2002 г.). Обсуждение диссертации состоялось на заседании сектора литературоведения Института филологии СО РАН (15 ноября 2004 г.).

Научно-практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее результатов в эдиционной практике, научных исследованиях, разработке общих и специальных вузовских курсов, а также в учебных пособиях по истории и теории древнерусской литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жанр завещаний в древнерусской письменности имеет следующие разновидности: частные грамоты светских и духовных лиц, составленные с деловыми целями; завещание-прощание двух типов – духовная грамота исповедального характера и политическое завещание; грамоты дидактического характера; послание-прошение, обращенное к князю; завещание – размышление о смерти; завещания, имеющие свойства деловых жанров – устава монастыря, описи церковного имущества, купчей, дела о разбойном нападении, княжеского устава.

2. Между завещаниями и памятниками литературных жанров существует не только тематическая и стилистическая связь, но и тесная текстологическая взаимосвязь.

3. Становление литературного направления жанра завещаний осуществлялось следующим образом: 1) с помощью трансформации формуляра духовных грамот; 2) путем преобразования деловых распоряжений завещателя и приобретения ими новых функций; 3) посредством нетрадиционного использования компонентов и стиля деловых жанров; 4) благодаря влиянию литературных жанров; 5) через заимствование и литературную обработку содержания предшествующих завещаний; 6) благодаря проникновению в духовные грамоты художественного вымысла.

Структура диссертации: введение, три главы, заключение и приложения (списки литературы и использованных в диссертации сокращений).

Основное содержание работы

Во введении изложена история изучения духовных грамот и поставлены задачи.

Глава I содержит описание деловой формы и исследование ее трансформации в средневековых завещаниях.

Форма духовных грамот считается одним из главных признаков жанра. В этом нашло отражение широко распространенное представление о жесткой структуре документа, которая предусматривает обязательные статьи, изложенные в определенном порядке. Недостатком данного определения жанровых особенностей завещаний является распространение на литературные памятники признаков юридического документа, а именно сведений об удостоверительных знаках, которые относятся к атрибутам внешнего оформления актов и не могут считаться признаком какого-либо жанра. Учитывая, что приведенные в исследовательской литературе характеристики формуляра духовных грамот не включают сведений об адресате, которые, согласно мнению историков права, являются в завещании главным элементом, для описания формы в качестве рабочего инструмента использовалась общая схема построения всех документов.

Сравнительный анализ памятников показывает, что в литературном завещании используются отдельные элементы формуляров, выбор которых определяется замыслом автора. Воспроизведению основных компонентов формы уделяется большое внимание в памятниках, имеющих пограничный жанровый характер.

Завещания, входящие в литературные памятники других жанров, редко оформлены в виде грамоты. Чаще они являются неотъемлемой частью сюжета и служат основой рассказа о последних днях или мгновениях жизни героя, о его прощании с семьей, князем, братией и другими. Большинство таких завещаний имеют форму авторского пересказа или излагаются как устная речь завещателя и не содержат компонентов формуляра, помимо

обращения, больше характерного для разговорной речи, и указания, что завет дается перед смертью.

Анализ формы позволил выявить четыре способа использования компонентов делового завещания:

1. элементы, характерные для начального протокола, заимствуются без существенных изменений;

2. отдельно взятая формула начального протокола в сохраненном виде помещается в литературный контекст;

3. формула приобретает новое значение за счет введения литературных мотивов;

4. компоненты формы являются основой для создания литературного содержания. В intitulatio краткие сведения частного порядка, необходимые для точного и ясного обозначения адресанта, дополняются автобиографией и рассказом о принятии сана. Упоминание о смерти и Страшном суде (arenga) сменяется философским размышлением о суетности жизни, смерти, о приуготовлении к переходу в иной мир. В narratio наряду с изложением личных обстоятельств завещателя (преклонный возраст, проблемы со здоровьем, опасные ситуации, связанные с государственной службой) появляется описание современных политических событий. В inscriptio данные, которые необходимы для правильного установления правопреемника, дополняются авторской оценкой главных черт характера наследников, а также заменяются наказами и пожеланиями завещателя об избрании ему преемника.

В главе II рассматривается проблема содержания духовных грамот в аспекте взаимоотношений деловой письменности и литературы. Предметом исследования здесь являются компоненты завещаний, изначально имевшие деловое предназначение, приобретающие новые функции, связанные с литературой.

В параграфе I отмечаются случаи литературной обработки распоряжений об имуществе и наказов о передаче царской власти преемнику.

Инвентарная часть, представляющая собой перечисление предметов, передающихся наследнику, изначально имела сугубо деловое предназначение. В деловом документе передача имущества сопровождается указанием юридического отношения к предметам завещания и описанием их свойств, качеств, внешнего вида.

Наряду с информацией о книгах и библиотеках, которая представляет ценный материал для филолога, с литературоведческой точки зрения распоряжения об имуществе интересны упоминанием в числе предметов, передающихся по наследству, царских регалий, связанных с идеями известной политической теории преемственности русской княжеской власти от кесаря Августа. Такие предметы названы в Повести о смерти Василия III и в душевной грамоте Ивана Грозного, которые содержат благословение наследника «царством Руским» и семейными реликвиями. Из известных редакций Повести сведения о том, что великий князь вручил сыну вместе со скипетром венец и диадемы Мономаха, содержат две: первая читается в Летописце начала царства, вторая – в Царственной книге.

При сопоставлении указанных фрагментов Повести о смерти Василия III и душевной грамоты Ивана Грозного привлекает внимание их большое сходство. Оно заключается не только в упоминании одних и тех же предметов наследования, но и в отражении теории происхождения русской княжеской власти, а также в способе организации материала.

Благословение наследников семейными реликвиями имеет аналогию с теми княжескими документами, в которых распоряжения относительно подобных ценностей даны отдельно от других наказов (ДДГ, № 20, 21, 22, 29, 61, 89). Самым близким к фрагменту душевной грамоты Ивана Грозного является текст завещания великого князя Ивана III. Но, в отличие от последнего, в грамоте Ивана IV благословение старшего сына связывается с передачей царской власти. В качестве другого возможного образца душевной

Ивана Грозного можно назвать несохранившуюся духовную грамоту великого князя Василия Ивановича. Связь Повести с деловыми документами не вызывает сомнения, но вопрос о ее первоисточнике остается невыясненным.

В связи с этим в отношении Повести о смерти Василия III и завещания Ивана IV можно говорить о литературной обработке характерной для делового документа инвентарной части: путем описания вещей, которое в деловом жанре служит идентификации предметов наследования, авторы проводят идеи известной политической теории. Они могут рассматриваться как особая разновидность рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха. Основное отличие данной версии рассказа от известных литературных памятников, посвященных этой тематике, состоит в том, что она была создана на основе документального источника. Ее особенности обусловлены стремлением авторов придать теории о происхождении русской княжеской власти от кесаря Августа юридическую форму.

В параграфе II говорится о разновидностях содержания, связанного с темой смерти.

Все юридические завещания составляются на случай смерти. Это главный жанровый признак духовных грамот.

Специфическим содержанием завещаний являются наказы о погребении и поминании, которые встречаются и в деловой форме, и в литературной. Распоряжение о погребении в документах связано с соблюдением христианского обряда: в них указывается место погребения, описывается церемония, определяется денежная сумма и ее конкретное предназначение, отдаются распоряжения о погребении родственников.

В литературной форме наказ о погребении претерпевает существенные изменения. Он имеет аналогию с известными фрагментами произведений житийного жанра, повествующими о том, как святой перед смертью выражает желание о более простом погребении, чем положено, и

призванными подчеркнуть смиренность героя. Подобный наказ содержат завещание Киевского митрополита Константина (Владимирский летописец, Типографская, Новгородская IV летописи, Степенная книга), грамота Нила Сорского и духовное писание патриарха Иоакима.

Другое традиционное содержание завещаний – наказ о поминании. В деловой форме распоряжения содержат сообщения о вкладах в церкви и монастыри, описание порядка поминания, и нередко просьбу завещателя поминать его родственников.

Литературное происхождение имеет наказ о поминании в «Завете к сыну» княгини Ольги. Он служит одним из примеров художественного вымысла в житии, помещенном в Степенную книгу. Завет создан на основе известных летописных сведений о погребении княгини не по языческому, а по христианскому обычаю. В других редакциях жития и древнейших летописях эти известия кратки и изложены в виде рассказа. В Степенной книге они дополняются подробным наказом о поминании и представлены как завещание, сделанное от первого лица.

Наказ о поминании в завещании патриарха Иоакима, судя по специфической лексике и стилю, представляет собой деловое распоряжение. В завещании Петра Прокопьева, наоборот, он приобретает литературный характер: содержит многочисленные обращения, самоуничижительные эпитеты, сравнения, риторические вопросы и восклицания, перебивается лирическими отступлениями в виде монолога, обращенного к душе, и описания Судного дня, а также просьбами о прощении и благословении.

Очень интересное явление представляют завещания, в которых тема смерти является доминирующей. Обычно приближение смерти называется в качестве мотивации составления грамоты (деловые документы, завещания митрополитов Киприана, Макария, патриарха Иоакима). В духовных Евфимия Туркова, царя Алексея Михайловича, Петра Прокопьева тема смерти, только намеченная в других грамотах, становится ведущей: она объединяет и подчиняет себе другие составные части завещания. Названные

произведения являются наиболее заметным отступлением от традиции делового документа. Авторы стремятся в них передать мысли и переживания умирающего человека.

Ярким примером такого литературного памятника является духовная грамота царя Алексея Михайловича. Данное произведение имеет вымышленный характер. В большей своей части духовная принимает вид предсмертного разговора с царицей. Конец написания грамоты почти совпадает с окончанием жизни, а смерть является в традиционном для древнерусской литературы образе ангела.

Особенности духовной грамоты определяются тем, что завещатель выступает в произведении не только как государственный деятель, но и как человек: она содержит официальное обращение царя к своим подданным и наследникам и исключительные по силе лирические строки, описывающие момент расставания с любимой женщиной. Для передачи глубины переживаний и чувств, вызванных приближением смерти, автор дает описание душевного состояния царицы. Трагизм ситуации особенно отчетливо проявляется в той части духовной грамоты, в которой государь говорит о будущем вдовстве царицы и описывает свои чувства в связи с потерей близкого человека.

В духовной грамоте преобладает художественный стиль. Для нее характерно использование эпитетов, метафор, риторических вопросов, восклицаний, сложных синтаксических конструкций и повторов. В лексике преобладают эмоционально окрашенные слова, личные и притяжательные местоимения, прилагательные и наречия в превосходной степени. Стилистическая связь произведения с деловыми документами проявляется только в некоторых деталях: называются имена родных царя Алексея Михайловича, его духовного отца, деятелей церкви, точно указывается место будущего погребения.

Литературные памятники, подобные завещанию царя Алексея Михайловича, интересны в связи с проблемой автобиографического

повествования в древнерусской литературе. Личностная позиция автора жанру завещаний присуща изначально. Но если в деловом документе индивидуальность завещателя связана с социально-бытовой сферой, то в завещаниях, посвященных теме смерти, личность автора проявляется в сфере психологической.

Вышеизложенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что грамоты Евфимия Туркова, царя Алексея Михайловича и Петра Прокопьева, изображающие внутреннюю жизнь человека, должны рассматриваться как отдельная жанровая разновидность духовных грамот, непосредственно связанная с литературой.

Параграф III содержит исследование проблемы преобразования наказа завещателя о согласии между наследниками в литературную форму поучения.

В деловых княжеских завещаниях наказ о согласии – это распоряжение о соблюдении феодальных отношений вассалитета – сюзеренитета, имеющее вид относительно устойчивой формулы. Исключение составляет только грамота царя Ивана IV, которая включает развернутое поучение.

Самым ранним памятником, содержащим такое поучение и связанным с литературой, является завещание Ярослава Мудрого, вошедшее в Повесть временных лет. Необходимость политического единства между князьями объясняется здесь их кровным родством.

В летописи завет Ярослава представлен в форме рассказа. Он органично связан с погодной записью, в которой летописец извещает читателя о смерти князя. Полная погодная запись разбивается на две части. Первая из них предшествует завещанию и называет только год смерти Ярослава. Другая часть следует после его изложения. В ней говорится о болезни и смерти князя и указывается день кончины. Далее описываются похороны Ярослава, называется место погребения и в конце указывается его

возраст. Таким образом, погодная запись о смерти князя служит как бы кольцевой композицией завета. В Повести временных лет завещание Ярослава Мудрого соединяет разнородные части летописного изложения: в оценке летописца распри между князьями представлены как следствие нарушения завета их отца, и, комментируя происходящие события, он отсылает читателя к его наказам.

Завещание Ярослава, по-видимому, стало источником грамоты княгини Марии, жены князя Всеволода Юрьевича, в составе Степенной книги. Грамота, помимо наказа о согласии, содержит наставления о христианских добродетелях. В тексте все наказы связаны между собой идеей служения Богу. В отличие от первоисточника, завещание Марии представлено как целый, не прерываемый словами рассказчика, текст.

С грамотой княгини Марии перекликается завет князя Константина Всеволодовича. Наказ о согласии в данном завещании дается в ряду наказов о христианских добродетелях и не имеет политической окраски. Распределение земель между наследниками следует здесь за текстом завещания и относится к речи рассказчика. Таким образом, завет князя Константина представляет собой не политическое, а духовное завещание.

Довольно часто, начиная с первой же публикации памятника, с завещательным жанром связывается «Поучение» Владимира Мономаха. В некоторых исследованиях, посвященных этому произведению, «завещание» считается даже синонимом «поучения», и, таким образом, полностью стирается граница между двумя жанрами. Необходимо отметить, что такие утверждения, как правило, не имеют обоснований. В противовес названной версии можно привести три аргумента:

1. Предпосылкой восприятия памятника как завещания является толкование словосочетания «седя на санех» вне контекста Поучения. Сообщение о старости является не мотивацией написания Поучения, а причиной выражения автором благодарности Богу.

2. В отличие от обязательного исполнения завещательных

распоряжений наследниками и другими лицами, в Поучении Владимира Мономаха читателю предоставляется право выбора.

3. Учитывая особое отношение к завещанию, не возможно объяснить опасение автора иронической реакции читателей.

На основании этих замечаний можно сказать, что сходство Поучения Владимира Мономаха с древнерусскими завещаниями скорее не жанровое, а тематическое.

Одним из интереснейших памятников русского средневековья является душевная грамота Ивана Грозного. Она имеет обширное литературное введение, в котором различают «исповедание» и «поучение чадцам». Принадлежность грамоты перу такой яркой и загадочной личности, как Иван Грозный, во многом определила ее судьбу в научных исследованиях. Литературная часть привлекала внимание ученых в основном в связи с проблемой датировки памятника и воссозданием психологического портрета царя.

По мнению С.Б. Веселовского, Р.Г. Скрынникова, Г.Л. Григорьева, деловая часть завещания представляет собой черновой набросок с наслоениями разных лет, которые появились в результате изменений и дополнений первоначального текста и проявляются в противоречивых сведениях и распоряжениях. В отличие от деловой части, литературное введение, как отмечает Р.Г. Скрынников, осталось почти без изменений, и его изучение необходимо для реконструкции источника. С.Б. Веселовский обращает внимание на то, что текст грамоты был сильно искажен переписчиками и исправлен при издании. Таким образом, правомочно говорить и о многослойности литературного введения.

Наряду с вышеназванными наслоениями в литературной части существуют слои более раннего происхождения, которые могли появиться только в процессе работы Ивана IV над созданием текста. На существование первичных слоев указывают различного рода накладки в тексте завещания, которые дают основание думать, что литературная часть грамоты, также как

деловая, осталась без окончательной редакции. К ним, в частности, относятся многочисленные повторы наказа «жить заодин» и сопровождающих его формулировок на протяжении всего поучения и в конце деловой части завещания, а также противоречивые распоряжения относительно одного и того же предмета.

Многослойность литературного введения является следствием ряда причин:

I. Текст создается переплетением элементов делового документа и литературы. Литературная часть завещания не имеет четкой границы с деловой частью. Грамота начинается с начального протокола, который построен в соответствии с законами делового документа. «Исповедание», следующее за начальным протоколом, связывается с последним логически, с помощью противительного союза “но”, и тематически. Противоречие, которое могло возникнуть между юридической формулой о здравом рассудке завещателя, свидетельствующей о его способности к гражданской деятельности, и содержанием исповеди, в которой Иван IV «разумом растленен бых, и скотен умом и проразумеванием» «признается» в различных грехах, снимается тем, что формула «своим целым разумом» относится, по-видимому, не ко всему завещанию, как принято в других документах этого жанра, а только к «исповеданию». Таким образом, в соответствии с замыслом автора, традиционное начало деловых завещаний включается в общий литературный контекст душевной грамоты.

Неопределенность другой границы, которая проходит между поучением и последующей деловой частью завещания, объясняется тем, что деловые распоряжения, связывающие их темами преемственности царской власти и небесного покровительства роду, частично облекаются в литературную форму. Деловую часть грамоты завершает наказ младшему сыну о послушании, который перекликается с подобными наказами поучения. Документальную основу литературного введения составляют три наказа завещателя: о политическом согласии между наследниками, о

передаче царской власти старшему сыну и о поминании. Они имеют различную степень литературной обработки.

II. В тех фрагментах текста, которые посвящены распоряжению завещателя «жить заодин», прослеживается влияние двух различных жанров: завещания и докончальной грамоты. В духовной Ивана IV используются главные структурные компоненты докончальной грамоты: наказ жить в мире и согласии, не нарушать границ земельных владений, помогать старшему в военных походах и правила, по которым решаются все спорные вопросы. Другие элементы докончания выявляются в завещании Ивана Грозного только с помощью анализа. При создании художественного текста используются слияние традиционных формул докончальной грамоты и формул завещания и компиляция уже использованных в тексте формулировок.

Таким образом, при создании душевной грамоты царя Ивана Васильевича IV документы использовались не только как справочный материал, служащий источником для детализации деловых распоряжений, но и для создания художественного текста.

На примере завещательных распоряжений о согласии между наследниками видно, насколько различны средства, благодаря которым деловое содержание приобретает литературный характер – от привычных художественных приемов до делового содержания двусторонних соглашений великого князя с вассалом.

Глава III посвящена изучению литературной традиции жанра. Исследование показывает, что в развитии жанра завещаний исключительное значение имеет такое характерное для древнерусской литературы явление, как следование литературным образцам. Автор использует духовные грамоты авторитетных предшественников не только как образец для составления своего завещания, но и в качестве источников. Для определения идейного, художественного и жанрового своеобразия, источников

произведения требуется построчный сопоставительный анализ текстов, подобный текстологическому анализу списков памятника древнерусской литературы. Наиболее актуально это для изучения такого сложного содержания, как благословение и прощение, часто значительного по объему и состоящего из однотипных повторяющихся конструкций с едва уловимыми изменениями.

В некоторых случаях заимствованный текст составляет большую долю завещания по сравнению с оригинальным. Так, Н.С. Гурьянова заметила, что в завещании И. Филиппова – огромная, совпадающая почти дословно, вставка из грамоты Петра Прокопьева. К этому примеру можно добавить заветное писание митрополита Илариона, основу которого составляет духовная грамота патриарха Питирима, написанная им в чине митрополита. Завещания церковных деятелей стали образцом для подражания при составлении грамоты Пантелеймона Мисюря Соловцова (прощание с родственниками и челядью происходит наподобие благословения и прощения духовными лицами паствы) и духовной царя Алексея Михайловича (в грамоту входят исповедание веры, исповедь с просьбой о прощении).

В процессе работы удалось уточнить источники завещаний Кирилла Белозерского и Иосифа Волоцкого. Как определил Г.М. Прохоров, источником вступительной части завещания Кирилла Белозерского была грамота митрополита Киприана. Выводы Г.М. Прохорова основываются на сопоставлении завещания Кирилла Белозерского с духовной Киприана, опубликованной в АЮБ. С помощью сравнительного анализа было установлено, что данный текст представляет собой список с завещания митрополита Киприана, входящего в Степенную книгу.

Сопоставление летописных текстов показывает, что источником духовной грамоты Кирилла Белозерского было завещание митрополита Киприана в составе Ник. В отличие от последнего, в духовной грамоте Кирилла Белозерского наряду с темами греховности и Божьего наказания

вводится тема спасения, и она становится ведущей. Характерной особенностью духовной грамоты Кирилла Белозерского является активное использование автором элементов челобитной, к которым относятся многочисленные обращения к князю с его восхвалением и самоуничижением. Измененный Кириллом Белозерским текст, видимо, призван воздействовать на адресата – попечителя монастыря, который был духовным сыном завещателя.

Г.В. Семенченко, замечая сходство мотивировок написания и содержания завещаний Кирилла Белозерского и Иосифа Волоцкого, предполагает, что грамота Кирилла стала образцом для духовной волоколамского игумена. Но завещание Иосифа Волоцкого более близко другому памятнику. Оно было составлено на основе грамоты Кирилла Белозерского, которая вошла в состав его жития в измененном виде. На это указывает сходство вступительной части завещаний и наказов о монастырском устройстве.

Автор жития характеризует грамоту Кирилла Белозерского как послание князю. Однако, элементы, характерные для челобитной, здесь значительно сокращены. Возможно, это связано с тем, что в житийной редакции завещания Кирилла Белозерского пропущена просьба о продлении срока действия грамот, данных монастырю.

В духовной грамоте Иосифа Волоцкого, в отличие от источника, нет назначения наследника. Тема спасения, которая является определяющей в завещании Кирилла Белозерского и переходит в текст житийной редакции, в духовной грамоте Иосифа Волоцкого опускается.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что создание произведений по литературным образцам – типичная черта завещаний. С учетом этой особенности жанра был проведен сравнительный анализ грамот митрополитов Киприана, Фотия, патриархов Иова, Иоасафа. Названные памятники наиболее часто встречаются в летописях и различных сборниках и играют особую роль в литературном процессе Древней Руси.

Во-первых, данные завещания имеют большое значение в связи с общей тенденцией создания единой общерусской литературы и укрепления государственности. Они относятся к официальной литературе и являются образцами литературной традиции, которая развивалась под влиянием идей о сильном едином государстве, была связана со стремлением преодоления феодальной раздробленности и утверждением независимости русской православной церкви. Не случайно в ряде произведений находят отражение крупнейшие политические события эпохи, и завещания приобретают идеологическое, политическое значение.

Во-вторых, исследование названных памятников несомненно представляет интерес в связи с проблемой эволюции жанра завещаний. Сопоставительный анализ грамот позволяет сделать следующие выводы. Завещания митрополитов Киприана и Фотия имеют несколько редакций. Все редакции, выявленные в процессе работы, служат в качестве образцов и источников литературных произведений. Среди грамот митрополитов существуют разные типы завещаний. Столь схожие между собой духовные грамоты митрополитов и патриархов связаны друг с другом текстологически, но при этом представляют собой разные жанровые разновидности.

Параграф I содержит исследование литературной истории завещания митрополита Киприана. Для анализа привлечены грамоты в составе Воскр., СIЦ и СII, НIVЛ, Ник., Степенной книги, Московского летописного свода конца XV века.

В данных текстах представлен одинаковый набор компонентов: исповедание веры, прощение и благословение с небольшой автобиографической вставкой, назначение душеприказчика и передачу церковного дома под покровительство великого князя, всеобщее благословение.

Исповедание веры имеет краткий вариант, представленный в Воскр., СIЦ и СII, НIVЛ, Московском летописном своде, и пространный – в Ник. и

Степенной книге. Пространный вариант исповедания веры создан на основе краткой версии. Его особенностью является тема преемственности духовной власти. В Ник. исповедание веры имеет более отчетливый автобиографический характер: в нем говорится о том, что завещатель был возведен в чин митрополита вселенским патриархом.

Благословение состоит из ряда блоков, каждый из которых представляет законченное высказывание, адресованное определенному кругу лиц: 1) умершим и живым христианским царям; 2) правоверным христианам; 3) умершим и живым патриархам и митрополитам; 4) великому князю и его семье; 5) удельным князьям с семьями; 6) умершим и живым епископам русской митрополии; 7) священноинокам и всему священническому чину; 8) умершим великим и удельным князьям; 9) боярам с их семьями и всем христианам; 10) инокам и всему церковному причту; 11) тем, кому назначена епитимья и ослушавшимся; 12) раскаявшимся; 13) тем, кто по каким-либо причинам избегал встреч с митрополитом; 14) помощникам и единомышленникам.

Назначение душеприказчика и наказ митрополита Киприана великому князю Василию Дмитриевичу заботиться о церковном доме и пастве в грамоте, помещенной в Воскр., HIVЛ, CIЦ и CII, Московский летописный свод, представляют собой деловые наказы. В Ник. и Степенной книге в эти распоряжения включается тема Божьего суда.

Анализ разночтений показывает, что завещание Киприана представлено тремя редакциями: краткая читается в Воскр., CIЦ и CII, HIVЛ и Московском летописном своде конца XV века, пространная – в Ник., сводная – в Степенной книге. Наиболее полный текст краткой редакции содержится в Воскр. и Московском летописном своде.

На основе полного варианта краткой редакции грамоты митрополита Киприана была создана новая редакция, вошедшая в Ник. Ее отличительными особенностями являются пространное исповедание веры и тема Божьего наказания в распоряжении о передаче церковного дома

великому князю.

Сводная редакция завещания была образована путем компиляции текстов Ник. и СІЦ и редактирования исповедания веры. С Ник. ее сближают схожие исповедания веры и наказы о передаче церковного дома. С СІЦ – формулы благословения великих князей и епископов и пропуск текста с благословением удельных князей с семьями.

В параграфе II дана характеристика редакций и литературных источников завещания митрополита Фотия.

Грамота входит в СІІ, Ник. и Степенную книгу. Она включает автобиографию с похвалой наставнику, исповедание веры, благословение, наказы о назначении душеприказчика и передаче церковного дома под покровительство князя, распоряжение о поминании, всеобщее благословение. Сравнительный анализ позволяет выявить две редакции завещания: первая читается в СІІ, вторая – в Ник. и Степенной книге.

Завещание митрополита Фотия было составлено на основании грамоты митрополита Киприана. Многочисленные смысловые разночтения показывают, что завещание Фотия в СІІ было написано под влиянием краткой редакции грамоты Киприана, а завещания Фотия и Киприана в Ник. создавались одним редактором.

Автобиография представляет собой рассказ Фотия о возведении его в сан митрополита. Отличительной чертой автобиографической части является похвала наставнику: она построена на противопоставлении высоких моральных качеств наставника, его благочестивых целей, добродетельного жития и суетных устремлений отрока. В Ник. характеристика наставника лаконична и абстрактна. В СІІ она имеет более эмоциональный характер; здесь дается описание личных черт наставника: отмечаются его достоинства в качестве собеседника, привязанность к ученику и др.

Непосредственным продолжением автобиографической части являются объяснение причины и описание обстоятельств составления

завещания. В отличие от грамоты Киприана, в которой мотивация имеет личностный характер, в завещании Фотия она связана со служебной деятельностью: к сведениям о болезни и старости завещателя добавляется описание политических обстоятельств, в том числе упоминания о раздвоении митрополии и смерти великого князя. В Ник. характеристика политической обстановки в стране дана в резкой форме. Обстоятельства составления грамоты представлены в виде многочисленных чередований изложения жизненно важных для паствы проблем и описания переживаний митрополита из-за их неразрешенности. В СII оценка современных событий смягчена. Для автора этой редакции свойственно стремление к абстрактным понятиям и отвлеченным рассуждениям: вводится тема временного и вечного, получает дальнейшее развитие тема Божьего суда, с помощью хвалебных эпитетов дается развернутая характеристика умершего князя.

Исповедание веры в СII почти совпадает с текстом краткой редакции грамоты митрополита Киприана. В другом завещании Фотия, также как в грамоте митрополита Киприана, помещенной в Ник., оно имеет автобиографический характер, но, в отличие от последней, переплетается с наказом о соблюдении православной веры. В заключении исповедания называется имя патриарха, при котором состоялось поставление в чин митрополита, и упоминается вселенский собор, утверждавший этот акт.

Благословение в грамоте Фотия имеет сходную с завещанием Киприана структуру. Перечень благословляемых лиц в основном сохранен. Но число блоков в грамоте Фотия увеличивается до двадцати. Автор выделяет в отдельные блоки благословение и прощение умерших и живых людей, которые излагаются по принципу симметрии. В редакции Ник. текст заметно упрощен за счет введения одинаковых формул благословения, следующих друг за другом. К наиболее значительным разночтениям редакций относятся также несовпадение имен братьев великого князя, включение в СII благословения преставившегося великого князя Василия Дмитриевича и благословения князя Ивана Юрьевича с братьями. Новым

содержанием, отличающим завещание Фотия от грамоты Киприана, является благословение погибших православных христиан, а в СII также бояр. Особенность данного фрагмента завещания СII составляет мотив страдания за веру в борьбе с «безбожниками».

Тема церковного «нестроения», затронутая в автобиографической части завещания, продолжена в наказе о передаче церковного дома под покровительство князя. Начало данного распоряжения близко подобному фрагменту грамоты митрополита Киприана. Но далее он принимает вид отчета о церковных делах, в котором в общих чертах представлена характеристика ущерба, нанесенного церкви при прежнем митрополите, и приобретений, осуществленных при Фотии. Отличительной особенностью грамоты Ник. является острота постановки вопроса об имущественных владениях церкви. Здесь говорится о более значительных, по сравнению с версией СII, потерях и приобретениях митрополии, особенно в отношении объектов недвижимости. Для завещания в Ник. характерны жесткие и категоричные высказывания, обращенные к великокняжеской власти, о неприкосновенности церковного имущества. Опору церкви, по мнению автора, составляют те, кто оказывает ей материальную поддержку. Поэтому одно из главных мест в числе адресатов отводится не только крупным феодалам, но и представителям купечества.

Исходя из этого, можно сказать, что грамота Фотия, в отличие от первоисточника, представляет собой политическое завещание. Проблематика произведения связана с восстановлением материального могущества церкви и несоблюдением светскими властями ее имущественных интересов. Основное отличие между редакциями завещания состоит в отношении их авторов к политическому наследию государства: в СII – лояльность к светской власти, в Ник. – противостояние ей.

В параграфе III рассматривается проблема источников и жанровых особенностей прощальной грамоты патриарха Иова.

Грамота содержит автобиографию, основную часть которой составляет послужной список, обширный рассказ о начале российского патриаршества, исповедание веры, благословение и прощение, назначение душеприказчика, наказы о сохранении христианской веры, просьбу заботиться о церковном доме, пожелания великому князю, рассказ – отчет о церковных делах и всеобщее благословение. Особенности прощальной грамоты обусловлены двумя обстоятельствами. Первое из них – учреждение на Руси патриаршества и избрание Иова первым патриархом. Второе – смерть царя и великого князя Федора Ивановича и восшествие на престол Бориса Годунова.

Одним из источников прощальной грамоты патриарха Иова является завещание митрополита Фотия в редакции Ник. Автор обращается к нему для выражения своих чувств по поводу смерти царя Федора Ивановича. Повторяя в основном текст первоисточника, он исключает описание политических событий. Скорбь о кончине царя Федора Ивановича разрешается восшествием на престол Бориса Годунова, который оказывал покровительство Иову на протяжении всего его служения в различных чинах – от епископа до патриарха. С завещанием митрополита Фотия грамоту патриарха Иова сближает также последовательность расположения материала в благословении. В самом начале благословения вслед за источником грамоты повторяется пропуск текста. После общей формулы благословения князей следуют благословения, каждое из которых посвящено одному конкретному лицу. За счет этого завещание сильно увеличивается в объеме. Вместе с тем здесь соблюдается принцип упорядочения изложения, который используется в завещании Фотия: вначале называются преставившиеся князья и княгини, а потом живые.

Судя по тому, что в прощальной грамоте патриарха Иова упоминаются митрополиты, благословение которых отсутствует в завещании Фотия, список благословляемых сверялся по другому источнику. Сведения о мотивации написания завещания в прощальной грамоте патриарха Иова

близки грамоте митрополита Киприана (Ник.). Некоторые формулы благословения князей имеют сходство с духовной грамотой митрополита Макария.

В прощальной грамоте можно выделить две ведущие темы: независимость русской православной церкви от Константинополя и тесная связь великокняжеской власти с церковью. По мнению Иова, идея установления патриаршества на Руси принадлежит царю и великому князю Федору Ивановичу, а в ее осуществлении главенствующая роль отводится «истинному доброхоту и правителю Русской земли» князю Борису Федоровичу. В грамоте особо подчеркивается роль царицы и великой княгини Ирины, сестры Бориса Годунова, в учреждении патриаршества, как советницы царя Федора Ивановича, и поставлении на престол Бориса Федоровича. По-видимому, это служит утверждению преемственности верховной власти и проводимой ею политики в отношении церкви. Приход Бориса Годунова к власти трактуется как событие не политического характера, а духовно-нравственного. Связь светской политической власти с церковью подчеркивается не только в рассказе об учреждении патриаршества, но и в благословении с помощью называния иноческих имен князей, в отчете патриарха Иова о церковных делах, где, в отличие от завещания митрополита Фотия, упоминаются только пожертвования царской семьи. Распоряжение о передаче церковного дома сопровождается наказом о сохранении христианской веры непоколебимой, обращенным к царю Борису Годунову и его потомкам.

По-видимому, основной идеей прощальной грамоты патриарха Иова является попытка замены традиционных для русского средневековья представлений о родовом наследовании великокняжеской власти идеей идеологической преемственности. Это должно было служить усилению позиций Бориса Годунова.

Параграф IV посвящен определению источников, жанрового и

художественного своеобразия прощальной грамоты патриарха Иоасафа.

В содержание грамоты входят размышление о суетности жизни, смерти и Страшном суде, исповедание веры, наказы о соблюдении христианской веры непоколебимой, благословение и прощение, назначение душеприказчика, просьба заботиться о церковном доме, поучение, пожелания великому князю, просьба о поминании, всеобщее благословение.

Прощальная грамота патриарха Иоасафа была создана на основе двух источников – завещания патриарха Иова и грамоты митрополита Фотия в редакции СII. Ее яркой особенностью является авторская оценка современных политических событий. Центральное место патриарх отводит внутренним государственным проблемам, вызванным крестьянской войной под предводительством Степана Разина.

Грамота открывается размышлением о суетности жизни, смерти и Страшном суде. Оно написано на основе сведений о мотивации составления завещания, заимствованных у предшественников, и помимо традиционного значения несет дополнительную смысловую нагрузку, поскольку имеет автобиографический характер: завещатель говорит, что такие размышления стали причиной его отказа от мирской суеты.

Благословение и прощение князей, повторяющее в большей части завещание патриарха Иова, дополняется благословением людей, пострадавших от казаков. Характерной чертой грамоты Иоасафа является особое внимание к представителям среднего и низшего сословия. Одним из важнейших мотивов благословения и прощения становится мотив страдания за веру, переходящий в грамоту патриарха Иоасафа из завещания митрополита Фотия. Он представлен в новом аспекте: служба на благо церкви, по мысли Иоасафа, неразрывно связана со службой царю.

Завершает благословение и прощение в грамоте Иоасафа поучение, обращенное к мятежникам, участвовавшим в крестьянской войне. Патриарх грозит им наказанием в виде адских мучений. В поучении, написанном с использованием множества эпитетов, библейских цитат, риторических

вопросов и сравнений, продолжена тема суетности, тленности человеческого бытия. В наказе о поминании, который следует за поучением, наоборот, развивается тема вознаграждения добродетельного человека после смерти.

Наказ князю о сохранении православной веры непоколебимой и просьба заботиться о церковном доме почти буквально совпадают с текстом грамоты патриарха Иова, но, в отличие от последней, оканчиваются пожеланием «мира и тишины».

Таким образом, содержание прощальной грамоты патриарха Иоасафа имеет задачу воздействовать на общественное мнение относительно смуты с целью подчинения взбунтовавшегося народа светским и церковным властям.

В заключении на основе наблюдений, сделанных в работе, формулируются выводы о взаимоотношениях деловой письменности и литературы в традиции древнерусского завещания.

Духовная грамота распространена как самостоятельный жанр и в качестве вставной литературной формы в других жанрах. Литературная форма, с одной стороны, подчиняется жанровым канонам и идейной направленности того памятника, в состав которого входит, а с другой стороны, поддерживает тесную связь с жанром завещаний. В процессе работы в составе летописей были выявлены три редакции грамоты митрополита Киприана и две редакции завещания митрополита Фотия, определены отличия житийной редакции духовной грамоты Кирилла Белозерского от ее первоисточника. Сравнительный анализ свидетельствует о том, что связь между жанром и вставной литературной формой – это двусторонний процесс заимствований. Рассказ о преставлении великого князя Василия Васильевича, помещенный в Московском летописном своде конца XV века, и рассказ о завете великого князя Дмитрия Ивановича в житии, вошедшем в Степенную книгу, имеют документальные источники. Духовная грамота Иосифа Волоцкого была написана на основе житийной редакции завещания Кирилла Белозерского. Источниками прощальных

грамот патриархов Иова и Иоасафа послужили разные летописные редакции завещания митрополита Фотия.

Среди завещаний наиболее распространены частные грамоты светских и духовных лиц, составленные с деловыми целями. Они представляют собой документы и являются предметом изучения дипломатики. Содержание таких завещаний, как правило, излагается с помощью традиционных специфических формул и трафаретных оборотов речи, а к важнейшим характеристикам стиля относятся краткость, лаконичность и отсутствие эмоциональности. Наряду с имущественными вопросами в их содержание могут входить назначение душеприказчика, распоряжения о погребении и поминании, отпуск людей на свободу, назначение опекуна и наказы ему об устройстве судьбы близких родственников. Особую подгруппу духовных грамот составляют памятники с формуляром завещания и содержанием, присущим другим жанрам: купчая (новгородская духовная Андрея) и дело о разбойном нападении (духовная крестьянина Михаила Назарова).

Данной характеристике соответствует также большинство духовных грамот великих и удельных князей, но, по сути, они являются политическими актами. Кроме вышеназванных компонентов некоторые княжеские грамоты содержат сведения о судебно-правовых отношениях, государственном управлении, а также регулируют вопросы старшинства и семейных взаимоотношений.

Завещания, относящиеся к другим жанровым разновидностям, часто имеют те или иные черты, сходные с вышеназванными грамотами – элементы содержания, формы, особенности делового стиля.

В числе завещаний великих князей и царей можно выделить еще три вида грамот: княжеский Устав (Устав князя Владимира), грамоты, содержащие политическое или духовное поучение (завещания Ярослава Мудрого, княгини Марии, князя Константина Всеволодовича, душевная грамота Ивана Грозного), завещание, имеющее исповедальный характер

(духовная царя Алексея Михайловича).

Грамоты церковных деятелей имеют следующие разновидности.

1. Завещание – прощание, представленное двумя типами:

1.1. Духовная грамота исповедального характера (завещания митрополитов Киприана, Питирима, Илариона, архиепископа Герасима). По образцу этих завещаний были составлены духовные Пантелеймона Мисюря Соловцова и царя Алексея Михайловича;

1.2. Политическое завещание (грамоты митрополита Фотия, патриархов Иова, Иоасафа, Иоакима) – вид, возникший на основе исповедальной духовной грамоты;

2. Завещание – размышление о смерти, имеющее характер покаяния (грамоты Евфимия Туркова, Петра Прокопьева);

3. Устав монастыря (духовные грамоты Ефросина Псковского, Елены Девочкиной);

4. Послание – прошение, в котором завещатель обращается к князю с просьбой об оказании покровительства его обители (духовные Кирилла Белозерского и Иосифа Волоцкого);

5. Опись церковного имущества (завещания Дионисия Глушицкого, архиепископа Симона).

Становление литературного содержания завещаний осуществляется в нескольких направлениях.

1. Важную роль в его развитии играет преобразование формуляра делового документа. В литературных памятниках компоненты формуляра теряют традиционное месторасположение и приобретают новые, не свойственные им функции. Наряду с этим в завещаниях литературного характера происходит своеобразная замена элемента формуляра соответствующими или близкими ему по функции компонентами, которые не имеют признаков делового стиля. Выявление случаев такой трансформации происходит во многом благодаря тому, что композиция некоторых завещаний приближена к расположению материала в формулярах деловых

документов.

В традиции жанра вырабатываются устойчивые литературные клише, которые тесно связаны с формулами и описаниями, характерными для делового документа. Но если в документе элементы формуляра, как правило, представляют собой самостоятельные части, то в завещаниях литературного характера наблюдается тенденция к объединению этих элементов в единое целое определенной темой.

2. Литературное содержание создается также путем трансформации делового содержания завещаний. В завещаниях Нила Сорского и патриарха Иоакима меняет функцию наказ о погребении: в данных грамотах он служит задаче устройства не тела, а души, и имеет содержание, схожее с предсмертными распоряжениями героев произведений житийного жанра. В душевной грамоте Ивана Грозного эпизод передачи власти наследнику написан в соответствии с традиционным для княжеских документов благословением сыновей семейными реликвиями.

3. Следующее направление – развитие литературного содержания посредством нетрадиционного использования компонентов и стиля деловых жанров. Через посредничество чина поставления в патриархи, как предполагает Н.В. Понырко, в завещаниях церковных иерархов появляется исповедание веры. С помощью содержания, характерного для докончальных грамот, создается поучение Ивана Грозного. Стилевые свойства челобитных определяют жанровое своеобразие духовной грамоты Кирилла Белозерского.

4. Формирование жанра завещаний осуществлялось благодаря влиянию литературных жанров. Воздействие литературы проявляется в использовании форм молитвы, похвалы, размышления, поучения. Анализ содержания завещаний показывает тесную связь жанра с публицистикой. Публицистический характер имеют завещание митрополита Фотия, содержащее оценку политической обстановки в стране и деятельности предшественника; прощальная грамота патриарха Иова, в которой обосновывается право русской православной церкви на самостоятельность;

завещание патриарха Иоасафа, призванное утихомирить страсти вокруг крестьянской войны 1670–1671 гг.; духовное писание патриарха Иоакима с наставлениями наследникам российского трона о церковном устройстве и политике в отношении церкви.

5. Другое направление в литературной истории жанра связано с заимствованием и литературной обработкой содержания предшествующих завещаний.

6. Влияние литературы сказывается также в повествовании о вымышленных событиях (завет княгини Ольги, духовная царя Алексея Михайловича).

Изучение происхождения литературного содержания завещаний из деловых компонентов посредством их трансформации и исследование текстологических связей между памятниками в сочетании друг с другом дают более целостную картину развития жанра.

В связи с жанровой традицией древнерусских завещаний можно говорить о разной степени взаимовлияния, а также различных путях взаимопроникновения деловой письменности и литературы. Литературное направление жанра, достигшее своего наибольшего развития в памятниках духовно-нравственного и публицистического содержания, формировалось на основе традиции делового документа, с активным использованием его средств и возможностей.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Морковина О.В. Роль делового документа в создании литературной части Духовной грамоты царя Ивана IV (к постановке проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. — Новосибирск, 2001. Вып. 4. С. 22-25.

2. Морковина О.В. К вопросу о взаимоотношении древнерусской литературы и деловой письменности: Жанр завещания // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI – XX вв. Новосибирск, 2003. С. 3-31.
3. Морковина О.В. О содержании древнерусских завещаний // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2003. Вып. 3-4. С. 102-111.